

дит не за счет сокращения доли Фонда в бюджете науки, а за счет резкого сокращения бюджета науки в целом: в 1998 г. за Российской академией наук записано 2 млрд. 38 млн. руб., а в бюджете 1999 г. — 1 млрд. 463 млн. руб.

Докладчик подробно остановился на теоретических и организационных проблемах работы экспертной системы Фонда (лоббирование заявок, перекос полномочий при принятии решений в пользу экспертных секций) и тех изменениях, которые, по его мнению, необходимо предпринять для обеспечения ее дальнейшего успешного функционирования, в том числе: усиление роли и значения первичной экспертизы, расширение участия в этом процессе экспертов из регионов. Касаясь одной из важнейших сторон деятельности Фонда — издательской программы, Е. В. Семенов отметил, что для обеспечения целенаправленного расходования средств, выделяемых на эти цели, Фондом проведен конкурс издательств и отобраны те из них, которые будут привлекаться к размещению проектов. Он также осветил содержание последних правительственных документов по вопросу о финансовой дисциплине и проекта «Программы экономии государственных расходов».

Конференция РГНФ обратилась к Правительству Российской Федерации, Министерству науки и технологий, Министерству финансов и Совету Российского гуманитарного научного фонда со следующими основными предложениями:

1. Не допустить сокращения финансирования РГНФ и РФФИ в 1998 г. Решение о сокращении финансирования фондов является непоправимым ударом по реформе науки, лишает ученых последней надежды на то, что государство собирается поддерживать и развивать научную сферу.

2. Сохранить за РГНФ и РФФИ статус отдельной строки в Законе о бюджете РФ.

3. В целях повышения роли грантового финансирования гуманитарных наук, в том числе для выравнивания конкурсов по естественно-техническим и социогуманитарным дисциплинам, увеличить, начиная с 1999 г., финансирование РГНФ, доведя его долю до 1,5% ассигнований, выделяемых из федерального бюджета на развитие науки.

4. Рекомендовать Совету РГНФ устранить поводы для ликвидации самоуправления Фонда: собственными решениями ограничить получение грантов членами экспертных советов; усилить контроль за выполнением условий финансирования исследовательских проектов в научных организациях и условий выполнения издательских договоров издательскими предприятиями.

Решение подписано президиумом конференции: академиком В. Л. Яниным, академиком В. С. Степиным, профессором Е. В. Семеновым, академиком Г. М. Бонгард-Левиним, академиком Е. П. Чельшевым, чл.-корр. РАН А. В. Брушлинским, академиком П. В. Симоновым.

* * *

15–17 июня 1998 г. Санкт-Петербург. В СПбФ ИИЕТ РАН состоялся XIV симпозиум по истории и методологии техники, технических наук и инженерной деятельности на тему «История технического образования в России и его взаимосвязь с развитием технических наук и инженерной деятельности».

* * *

26 июня 1998 г. Москва. В ИИЕТ РАН был проведен «круглый стол» на тему «Проблемы нравственного выбора и ответственности ученого-ядерщика в истории советского атомного проекта» (рук. — В. П. Визгин, уч. секретарь — И. С. Дровеников).

От Национального комитета РАН по истории и философии науки и техники

13 июля 1998 г. Москва. На 79-м году жизни скончался *Юрий Борисович Татарин*ов, кандидат технических наук, старший научный сотрудник Проблемной

группы сетевого анализа организации науки и независимой экспертизы ее достижений, лауреат Государственной премии, полковник в отставке.

ИХ СВЯЗАЛА МОЛОДОСТЬ (предисловие к публикации)

Эти веселые воспоминания о днях своей аспирантской молодости, начала 30-х годов, когда началась их дружба с моим отцом, Наумом Иосифовичем Родным, Бонифатий Михайлович Кедров написал за несколько месяцев до своей смерти. В это время он находился в больнице Академии наук, где продолжал работать. В палату приходила машинистка и печатала под его диктовку. Ее же рукой зафиксированы представленные здесь заметки.

Удивительно, но, навещая его в больнице, слушая его, наблюдая за ним, я, прочитав тогда эти заметки, был убежден, что Бонифатий Михайлович написал их прямо сейчас, чтобы порадовать меня с мамой, чтобы у всех, включая и его самого, поднялось настроение. Мне казалось тогда, что это была легкая импровизация на тему молодости, любви, науки и т. д. В Кедрове, несмотря на возраст и состояние здоровья, была такая искрящаяся жизнь, интерес к людям, желание импровизировать, что мне и в голову не приходило серьезно отнестись к указанию автора, что стихи были сложены много лет назад. Я и до сих пор точно не знаю, а когда же на самом деле все это было сочинено...

*Н. И. Родный на Воркуте.
Конец 40-х — начало 50-х гг.
Фото из иконотеки ИИЕТ РАН*

10 лет назад Бонифатий Михайлович передал мне напечатанные на машинке листы с пробитыми кое-где красными буквами, и я был польщен: мне было приятно, что такой яркий человек, жизнь которого до отказа заполнена работой, все еще помнит о моем отце, которого уже к тому времени не было на свете 16 лет. Сами же воспоминания показались мне тогда какими-то шутивными, игривыми и мало относящимися к отцу, каким я его знал 20 лет. Но с возрастом я все больше и больше стал понимать их истинную ценность. В них схвачено главное — время, образ молодой советской науки, Кедров и Родный как ее действующие лица. Чувство благодарности к Бонифатию Михайловичу с годами только усиливается. Я остро осознаю, что все люди, знавшие отца в то далекое время, ушли, и мне уже никогда не услышать их голосов.

Хотя воспоминания Б. М. Кедрова очень короткие, в них схвачено много типичного для судьбы отца. Его «левый уклонизм», начавшийся в 12 лет, продолжался всю жизнь. В 1937 г. как закоренелый троцкист он попал на Север. Там ему пригодились химические зна-

ния, полученные в институте и аспирантуре. Это дало ему возможность не попасть на общие работы, где выжить было почти невозможно. Не знаю,годились ли ему там познания в философских вопросах естествознания, которые они так стремились получить с Бонифатием Михайловичем в 30-е гг., но, что они сыграли важную роль в приходе отца в ИИЕТ АН СССР в 60-е гг., можно не сомневаться. Кедров пригласил бывшего «врага народа»: дал ему рекомендацию в партию в 1957 г. и провел по конкурсу руководителем сектора в своем институте.

*Н. И. Родный и Б. М. Кедров. Тарту, 60-е гг.
Фото из иконотеки ИИЕТ РАН*

официальной точкой зрения. И тут Бонифатий Михайлович, как я знаю, опять сдержал необузданное желание отца заявить о своих политических пристрастиях всему миру. Кто сдерживал самого Кедрова и мог ли его кто сдерживать — не знаю. Человек огромного темперамента, работоспособный, жизнелюб, Кедров представлял собой одну из самых заметных фигур отечественной науки.

Кедрова с отцом связали молодость, наука и жадный интерес к жизни. Для них главным человеком в мире был ученый. Они верили, что именно ученый является фигурой планетарного значения, благодаря ему осуществляется научно-технический прогресс и через него проходят силовые линии социального развития. Им было важно понять, как мыслит ученый, какова логика развития науки, по каким зако-

Я думаю, что у Бонифатия Михайловича не раз был повод пожалеть о своем решении. Политический темперамент отца после 18 лет вечной мерзлоты расцвел пышным цветом в условиях хрущевской оттепели, когда институтом стал руководить друг его молодости. Помню, во время Пражских событий 1968 г. отец потерял покой и сон, хотел открыто протестовать. И сколько сил стоило все понимающему и ответственному за коллектив Кедрову уговорить отца не делать этого. Еще отцу почему-то не нравилось, как развивались отношения нашей страны с Китаем. Сейчас не берусь судить, что его там не устраивало. То ли ему хотелось, чтобы отношения были более тесными, то ли, наоборот, его не удовлетворяло наметившееся идейное сближение между Китаем и СССР, только его взгляды очень резко стали расходиться с

Н. И. Родный (в центре) — студент Ленинградского технологического института. 1928 г.

нам живет научное сообщество. По-моему, став методологами, они через науку хотели понять все в мире: и законы человеческого мышления, и законы развития общества. Им было легко и одновременно трудно. Легко, потому что их окрыляла большая цель и они чувствовали в себе силы ее осуществить; тяжело, потому что не хватало этих сил, все меньше оставалось времени.

Но в те годы, о которых идет речь в воспоминаниях Бонифатия Михайловича, все еще только начиналось. И я очень хорошо представляю себе картину. По Москве начала 30-х годов идут трое: двое молодых людей, а посередине стройная девушка со светлыми искрящимися глазами и чуть вздернутым носиком. Эти двое молодых людей — мой отец и Кедров. Боня и Нема. Девушка произносит эти имена и смеется. Смеются и шутят ее кавалеры. Они молоды, они способны, они влюблены, они идут покорять мир...

А. Н. Родный